

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ПУНКТА 2 ЧАСТИ 2.2
СТАТЬИ 407, ПУНКТА 2 ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 414.2 И ПУНКТА 1 ЧАСТИ 1 СТАТЬИ
426.4 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РА КОНСТИТУЦИИ
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО
ПРОКУРОРА РА

г. Ереван

28 марта 2017 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, А. Гюлумян, Ф. Тохяна, А. Туняна, А. Хачатряна, В. Оганесяна (докладчик), Г. Назаряна, А. Петросян,

с участием (в рамках письменной процедуры):

представителя заявителя – начальника Управления по защите обвинения и обжалования судебных актов Генеральной прокуратуры РА Г. Багдасаряна,

привлеченных в качестве стороны-ответчика по делу официальных представителей Национального Собрания РА – начальника Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Саргсяна и советника того же Управления С. Теванян,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 7 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения (с изменениями от 2005 г.), статьям 25, 38 и 71 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия пункта 2 части 2.2 статьи 407, пункта 2 части 2 статьи 414.2 и пункта 1 части 1 статьи 426.4 Уголовно-процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения Генерального прокурора РА”.

Поводом к рассмотрению дела явилось обращение Генерального прокурора РА, зарегистрированное в Конституционном Суде РА 2 декабря 2016 года.

Изучив письменное сообщение докладчика по настоящему делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, а также исследовав Уголовно-процессуальный кодекс РА и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Уголовно-процессуальный кодекс РА (далее - Кодекс) принят Национальным Собранием РА 1 июля 1998 года, подписан Президентом РА 1 сентября 1998 года и вступил в силу с 12 января 1999 года.

Оспариваемый по настоящему делу пункт 2 части 2.2 статьи 407 Кодекса, озаглавленной “Кассационная жалоба”, устанавливает:

“2.2. В случае подачи кассационной жалобы на основании пункта 1 части 1 статьи 414.2 настоящего Кодекса лицо, принесшее жалобу, должно обосновать, что вынесенное на основании жалобы решение Кассационного Суда будет способствовать обеспечению единообразного применения закона, в частности, обосновывая в кассационной жалобе, что:

...

2) толкование какой-либо нормы в обжалуемом судебном акте противоречит конституционно-правовому содержанию данной нормы, раскрытому в резолютивной части постановления Конституционного Суда Республики Армения, прилагая постановление Конституционного Суда Республики Армения и цитируя ту часть из судебного акта нижестоящего суда, которая противоречит резолютивной части постановления Конституционного Суда Республики Армения, проводя сравнительный анализ относительно противоречия между обжалуемым судебным актом и резолютивной частью постановления Конституционного Суда Республики Армения”.

Оспариваемый по настоящему делу пункт 2 части 2 статьи 414.2 Кодекса, озаглавленной “Принятие кассационной жалобы к производству”, устанавливает:

“2. По смыслу настоящей статьи, решение Кассационного Суда относительно поднятого в жалобе вопроса может иметь существенное значение для единообразного применения закона, в частности, если:

...

2) толкование какой-либо нормы в обжалуемом судебном акте противоречит конституционно-правовому содержанию данной нормы, раскрытому в резолютивной части постановления Конституционного Суда”.

Оспариваемый по настоящему делу пункт 1 части 1 статьи 426.4. Кодекса, озаглавленной “Основания и сроки пересмотра дел ввиду новых обстоятельств”, устанавливает:

“ 1. Ввиду новых обстоятельств судебные акты пересматриваются в следующих случаях:

1) Конституционный Суд Республики Армения признал примененное судом по данному уголовному делу положение закона противоречащим Конституции и

недействительным или признал его соответствующим Конституции, однако, раскрывая в резолютивной части постановления его конституционно-правовое содержание, нашел, что это положение было применено в ином толковании”.

Часть 2.2 статьи 407 дополнена, а статья 414.2 Кодекса изложена в действующей редакции согласно Закону РА НО-48-Н “О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения”, принятому Национальным Собранием РА 10.06.2014 г., подписанному Президентом РА 21.06.2014 г. и вступившему в силу 03.07.2014 г.

Пункт 1 части 1 статьи 426.4 Кодекса изложен в действующей редакции согласно Закону РА НО-270-Н “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения”, принятому Национальным Собранием РА 26.10.2011 г., подписанному Президентом РА 08.11.2011 г. и вступившему в силу 21.11.2011 г.

2. Процессуальная предыстория дела сводится к следующему.

Решением дознавателя Отдела дознания Управления по выявлению правонарушений и осуществлению административного производства Аппарата Министерства финансов РА от 14 ноября 2014 года в возбуждении уголовного дела в отношении директора ООО “Лекма Шуз” Дж. Егиазаряна было отказано за отсутствием состава преступления.

Решением Генерального прокурора РА от 23 марта 2015 года вышеуказанное решение об отказе в возбуждении уголовного дела было отменено и возбуждено уголовное дело по части 1 статьи 215 Уголовного кодекса РА.

13 апреля 2015 года представитель Дж. Егиазаряна представил жалобу в суд первой инстанции общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш г. Еревана (далее – суд), в которой заявитель просил отменить решение Генерального прокурора РА от 23 марта 2015 года.

Суд решением от 4 мая 2015 года обязал орган, осуществляющий производство, устранить нарушение прав и свобод Дж. Егиазаряна, допущенное решением Генерального прокурора РА от 23 марта 2015 года.

Апелляционный протест Прокурора против решения суда от 4 мая 2015 года решением Апелляционного уголовного суда РА (далее – Апелляционный суд) от 8 июля 2015 года был отклонен.

В принятии к производству кассационного протеста заместителя Генерального прокурора РА против упомянутого решения решением Кассационного Суда РА (далее – Кассационный Суд) от 11 сентября 2015 года было отказано.

Постановлением ПКС-1236 на основании обращений Защитника прав человека РА и Генерального прокурора РА Конституционный Суд постановил:

“Часть 4 статьи 21 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения соответствует Конституции Республики Армения в рамках раскрытого в настоящем Постановлении Конституционным Судом конституционно-правового содержания.

Конституционно-правовое содержание части 4 статьи 21 Уголовно-процессуального кодекса РА сводится к следующему:

во-первых, в тех случаях, когда надзирающий прокурор отменил решение о прекращении уголовного дела, о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела и в рамках предоставленных ему Уголовно-процессуальным кодексом полномочий дал конкретные указания или поручения, новые решения о прекращении производства по делу, о прекращении уголовного преследования или о неосуществлении уголовного преследования можно вынести только в случае обязательного исполнения указаний или поручений, данных компетентным прокурором;

во-вторых, исполнение требования прокурора о предоставлении ему в целях надзора истребованных в досудебном производстве у органа дознания, следователя материалов, документов, уголовного дела должно осуществляться **незамедлительно**;

в-третьих, решения, принятые в результате осуществления предоставленных Генеральному прокурору РА Конституцией и законом полномочий в рамках прокурорского надзора в досудебном производстве, необходимо рассматривать как **окончательные и никак не обуславливать обстоятельством принятия или непринятия подобного решения надзирающим прокурором**”.

Заместитель Генерального прокурора РА подал кассационный протест, в котором, ссылаясь на упомянутое Постановление Конституционного Суда РА как на новое обстоятельство, ходатайствовал о пересмотре решения от 11 сентября 2015 года об отказе в принятии к производству кассационного протеста, отмене решения суда от 4 мая 2015 года по уголовному делу номер ԵՉԴ/0060/11/15 и решения об оставлении его в законной силе, вынесенного Апелляционным судом 8 июля 2015 года, и вынесении нового судебного акта.

Решением Кассационного Суда от 29 января 2016 года в возбуждении производства по пересмотру судебного акта на основании нового обстоятельства было отказано с той мотивировкой, что при раскрытии в резолютивной части Постановления Конституционного Суда ПКС-1236 конституционно-правового содержания части 4 статьи 21 Уголовно-процессуального кодекса РА Конституционный Суд не истолковал оспариваемую норму так, что Генеральный прокурор РА правомочен по истечении семидневного срока в

шестимесячный срок, в числе прочих четко указанных в этой норме решений, отменить также решение об отказе в возбуждении уголовного дела, а также не констатировал, что оспариваемая норма применялась в ином толковании.

3. Относительно пункта 2 части 2.2 статьи 407 и пункта 2 части 2 статьи 414.2 Кодекса заявитель считает, что они противоречат статьям 61, 63 и 69 Конституции РА (с изменениями от 2015 года) и статьям 93 и 103 Конституции РА (с изменениями от 2005 года) постольку, поскольку не позволяют подающему кассационную жалобу для обоснования своей позиции ссылаться на правовые положения, выраженные в других частях постановления Конституционного Суда (помимо резолютивной части).

Относительно пункта 1 части 1 статьи 426.4 Кодекса заявитель считает, что он противоречит статьям 61, 63 и 69 Конституции РА (с изменениями от 2015 года) и статьям 93 и 103 Конституции РА (с изменениями от 2005 года) постольку, поскольку не считает правовые положения, выраженные в других частях постановления Конституционного Суда (помимо резолютивной части), новым обстоятельством.

Заявитель обосновывает предполагаемое несоответствие оспариваемых норм статье 93 Конституции РА (с изменениями от 2005 года) в контексте правового статуса Конституционного Суда, структурной целостности постановлений Конституционного Суда и правовой природы постановлений Конституционного Суда. По мнению заявителя, оспариваемые положения, обуславливая возникновение процессуальных последствий правовыми позициями, установленными исключительно в резолютивной части постановления Конституционного Суда, ограничивают правовое значение правовых позиций, лежащих в основе выводов Конституционного Суда, толкований, раскрывающих конституционно-правовое содержание оспариваемой в Конституционном Суде нормы, и тем самым исключают их процессуальные последствия, которые выражены не в резолютивной, а, например, в описательно-мотивировочной части постановления.

По мнению заявителя, "... выраженные в постановлениях Конституционного Суда правовые позиции, которые неотъемлемы от выводов этих постановлений и подлежат оценке в единстве с ними, могут быть выражены и главным образом выражаются в описательно-мотивировочной части постановления. Расположение этих позиций в какой-либо из частей постановления не случайно. Правовые позиции, как мотивировки выводов, сделанных в результате принятия решения, особенно должны быть выражены в описательно-мотивировочной части постановления. Что касается их изложения в резолютивной части постановления, то, не исключая такую возможность, следует отметить,

что по своему характеру и содержанию правовые позиции зачастую не могут уместиться и быть полностью изложены в этой части постановления”.

Заявитель также отмечает, что “...обусловленные объемом предмета конституционного правосудия, проводимые судом аналитические исследования и выраженные в них конкретные правовые позиции, которые во всех случаях направлены на раскрытие конституционно-правового содержания положения, составляющего предмет конституционно-правового спора, могут иметь вторичную связь с предметом спора, что не исключают их значения в основе окончательного вывода суда. Иначе говоря, одна часть правовых позиций Конституционного Суда может непосредственно мотивировать выводы суда относительно вопроса соответствия Конституции нормы, а другая часть, обеспечивая системный характер анализа, может лежать непосредственно не в основе выводов суда, а в основе его первичных мотивировок. Вторая группа правовых позиций в связи со своей особенностью закономерно не может находиться в резолютивной части постановления, но заслуживает повтора и не менее важна для раскрытия конституционно-правового содержания оспариваемой нормы. Во всех случаях правовое значение правовых позиций Конституционного Суда обусловлено исключительно их юридическим характером и не может быть обусловлено их техническим расположением”.

Предполагаемое несоответствие оспариваемых норм статьям 61, 63, 69 Конституции РА (с изменениями от 2015 года) и статье 103 Конституции РА (с изменениями от 2005 года) заявитель обосновывает тем, что оспариваемые положения “... ограничивают доступность суда без обоснованной, т. е. обусловленной общественными или государственными потребностями необходимости, снижают эффективность судебной защиты прав, ограничивают право на пересмотр приговора и, как следствие, лишают смысла возможность защиты прав посредством конституционного правосудия”.

По оценке заявителя, “... при наличии такой правовой позиции Конституционного Суда, когда норма права применена в отношении лица в толковании, противоположном ее конституционно-правовому содержанию, ограничение осуществления этих прав исключительно с тем формальным обоснованием, что подобная позиция выражена не в резолютивной части постановления”, не соответствует критериям ограничения этих прав, не исходит из интересов правосудия и искажает его суть.

По мнению заявителя, оспариваемые положения создают излишние препятствия реализации лицом закрепленных в вышеупомянутых статьях Конституции прав еще и по той причине, что они ограничивают осуществление одной из их гарантий, а именно конституционного полномочия прокуратуры по опротестованию судебных актов, и конституционное полномочие опротестования судебных актов как важный элемент статуса

Прокуратуры РА в государственной системе и инструментария по решению поставленных перед ней вопросов не должно подвергаться необоснованному и неоправданному ограничению.

В обоснование вышепомянутых аргументов заявитель, в частности, ссылается на ряд положений Всеобщей декларации прав человека, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ряд правовых позиций, выраженных Конституционным Судом и ЕСПЧ, а также позиций, нашедших место в соответствующей рекомендации Комитета министров Совета Европы.

4. Сторона-ответчик считает, что положения пункта 2 части 2.2 статьи 407, пункта 2 части 2 статьи 414.2 и пункта 1 части 1 статьи 426.4 Кодекса соответствуют Конституции РА.

Свою позицию ответчик аргументирует тем, что в результате Постановления Конституционного Суда ПКС-943 принятыми Национальным Собранием РА законами от 26.10.2011 г. НО-268-N и от 26.10.2011 г. НО-270-N, были внесены изменения соответственно в часть 12 статьи 69 Закона РА “О Конституционном Суде” и в Уголовно-процессуальный кодекс РА с такой логикой, чтобы была предоставлена возможность подачи кассационной жалобы по новым обстоятельствам также в том случае, когда Конституционный Суд, признав положение закона соответствующим Конституции, одновременно в резолютивной части постановления нашел, что оно было применено в отношении заявителя в ином толковании.

Согласно ответчику, в этом смысле говоря “раскрытие конституционно-правового содержания положения именно в резолютивной части”, следует понимать не проведенный Конституционным Судом правовой анализ относительно соответствия данной нормы и ее применения Конституции во всем объеме, а хотя бы только то замечание, которое указывает на позицию Конституционного Суда относительно того, что даже в случае соответствия самой по себе оспариваемой нормы Конституции, тем не менее в рамках конкретного дела суд в части ее практического применения и толкования имеет оговорки, представленный относительно которых правовой анализ в дальнейшем будет обязательным как для других правоприменителей, так и для Кассационного Суда с точки зрения рассмотрения его как нового обстоятельства, восстановления нарушенных прав лица, а также обеспечения в связи с данным вопросом единой судебной практики.

По мнению ответчика, выраженной Конституционным Судом в рамках конкретного дела позиции, которая в форме всестороннего и детального анализа излагается в описательно-мотивировочной части постановления Суда и об этом есть “ссылка” в

резюлютивной части постановления, достаточно для подачи кассационной жалобы на основании нового обстоятельства.

Ответчик также обращает внимание на то обстоятельство, что, в отличие от Уголовно-процессуального кодекса РА, Закон РА “О Конституционном Суде” не содержит никакого императивного положения относительно разделения постановлений Конституционного Суда на отдельные структурные части и выдвигаемых к ним требований, и при этом роль резолютивной части постановления Конституционного Суда будет подчеркнута исключительно в том смысле, что она дает возможность составить четкое представление об исходе находящегося в производстве Конституционного Суда дела и тем самым оценить необходимость полного ознакомления с постановлением в рамках конкретного дела или с точки зрения выяснения дальнейших возможностей для восстановления конкретного права и изучения позиций, выраженных Конституционным Судом в ходе рассмотрения дела.

Ссылаясь на пункт 9.2 части 1 статьи 64 Закона РА “О Конституционном Суде”, ответчик считает, что закрепленного Конституционным Судом положения, согласно которому “оспариваемая норма не признается противоречащей Конституции и недействительной только в рамках конституционно-правового содержания, раскрытого Конституционным Судом, достаточно, чтобы считать, что правило “в резолютивной части раскрывает конституционно-правовое содержание этого положения” соблюдено, и рассматривать это как новое обстоятельство, являющееся основанием для кассационного обжалования”.

5. В рамках конституционно-правового спора, поднятого по настоящему делу, Конституционный Суд считает необходимым обратиться к следующим вопросам:

1. В чем заключаются суть и содержание выраженных в постановлениях Конституционного Суда правовых позиций в рамках нынешней логики конституционно-правовых развитий в Республике Армения и каково их значение с точки зрения надлежащего правового восприятия и применения этих постановлений как целостных официальных документов?

2. Различаются ли обусловленные правовыми позициями Конституционного Суда правовые последствия в зависимости от процедурного (технического) закрепления этих позиций в разных частях постановления Конституционного Суда?

3. Как в правоприменительной практике воспринимаются и реализуются правовые позиции Конституционного Суда как источник права, как гарантия обеспечения

конституционных принципов, непосредственного действия основных прав человека и гражданина и незыблемости их сущности, верховенства права и правовой определенности?

6. В ряде своих постановлений Конституционный Суд с принципиальной точки зрения обратился к вопросам сути, содержания, юридической силы и роли правовых позиций Конституционного Суда. В частности, в Постановлении ПКС-943 Конституционный Суд констатировал, что:

- выраженные в постановлениях Конституционного Суда правовые позиции "... призваны обеспечивать в правоприменительной практике наиболее целостное и единообразное восприятие Конституции РА и конституционную законность, направлять правоприменительную практику на восприятие и применение нормативных актов в соответствии с их конституционно-правовым содержанием. Как важный источник конституционного права, они имеют принципиальное значение для законотворческой (нормотворческой) деятельности, исходящей из постановлений Конституционного Суда. Раскрывая в своих постановлениях конституционно-правовое содержание норм закона (его отдельных положений) или иных правовых актов, Конституционный Суд выражает правовые позиции, на основании которых и определяет вопрос юридической силы данных норм или правового акта, в случае противоречия Конституции признавая их недействительными. Этим обусловлено также возникновение необходимости дальнейшего регулирования правового отношения, которое ранее регулировалось этим актом (нормами), следовательно, необходимость правотворческой (законотворческой) деятельности компетентного органа публичной власти.

Исходя из особенностей конституционно-правового статуса Конституционного Суда РА и юридической силы и характера принимаемых им постановлений, Конституционный Суд считает, что выраженные в этих постановлениях правовые позиции:

а) непосредственно следуют из полномочий Конституционного Суда, следовательно, носят официальный характер;

б) имеют конкретное правовое последствие, адресованы как конкретным субъектам по данному делу, так и всем субъектам публично-правовых отношений (всеохватывающие);

в) имеют неограниченный срок действия, могут изменяться только постановлениями Конституционного Суда;

г) призваны содействовать устранению правовой неопределенности в правовой системе и правоприменительной практике РА, ставятся в основу конституционализации правоотношений, имеют прецедентный характер;

д) до нормативного регулирования отношения, являющегося предметом спора, в некоторых случаях являются также временным средством правового регулирования;

е) являются официальным толкованием норм Конституции РА.

В ряде своих постановлений Конституционный Суд неоднократно обращался также к вопросам безоговорочной и последовательной реализации правовых позиций Конституционного Суда в законотворческой и правоприменительной практике (ПКС-765, ПКС-815, ПКС-833, ПКС-873, ПКС-966, ПКС-1192, ПКС-1254 и др.).

Конституционный Суд считает, что вышеуказанные правовые позиции также применимы к являющемуся предметом спора по настоящему делу правовому регулированию.

Возвращаясь к вопросу связи между расположением правовых позиций Конституционного Суда в разных частях постановления и правовыми последствиями, вытекающими из этих правовых позиций, Конституционный Суд считает необходимым отметить, что в связи с этим также им была выражена принципиальная правовая позиция, согласно которой «постановления Конституционного Суда должны восприниматься также в своей структурной целостности (предисловие, описательно-мотивировочная и резолютивная части) для обеспечения четкости содержания, принципов и особенностей выдвинутого этими постановлениями правового регулирования, а также реализации вытекающих из них правил объективного и субъективного поведения. На осуществление этой задачи направлены особенно выраженные в описательно-мотивировочной части постановлений Конституционного Суда правовые позиции, которые, как правило, содержат сделанные Судом в результате правового анализа предмета (поднятых вопросов, конституционно-правовых споров) обращений, адресованных Конституционному Суду, и лежащие в основе резолютивной части постановления заключения, при игнорировании сути и содержания которых не может гарантироваться исполнение постановления Суда» (ПКС-943).

Принимая во внимание вышеупомянутую правовую позицию, Конституционный Суд считает, что **правовое последствие правовой позиции Конституционного Суда, раскрывающей конституционно-правовое содержание правовой нормы, не обусловлено фактом закрепления данной правовой позиции в той или иной части постановления Конституционного Суда.** Согласно части 5 статьи 61 Закона РА «О Конституционном Суде» «принятые по существу дела постановления Конституционного Суда обязательны для всех государственных органов и органов местного самоуправления, их должностных лиц, а также физических и юридических лиц на всей территории Республики Армения». Кроме этого, особенность юридической силы постановления

Конституционного Суда как **целостного** официального документа конкретизирована также в статье 11 Закона РА “О правовых актах” и является гарантией восприятия и применения статьи 102 Конституции РА в соответствии с ее конституционно-правовым содержанием. **В основу упомянутых нормативных регулирований заложен тот правовой принцип, согласно которому как официальным документом, вызывающим правовые последствия, необходимо руководствоваться не только тем или иным являющимся структурной частью постановления Конституционного Суда положением или исключительно его резолютивной частью, но и всем постановлением**, принимая за основание правовые позиции, выраженные как в резолютивной, так и в описательно-мотивировочной части постановления. Конституционный Суд считает, что из конституционно-правового содержания части 12 статьи 69 Закона РА “О Конституционном Суде” не следует такое правовосприятие, согласно которому исполнению подлежит лишь резолютивная часть постановления Конституционного Суда. В то же время из требований статей 5, 6, 167-170 Конституции РА (с изменениями от 2015 г.) и статей 100-102 Конституции РА (с изменениями от 2005 г.) не следует установление каким-либо нормативным актом иной особенности юридической силы постановления Конституционного Суда.

В контексте упомянутого Конституционный Суд считает недопустимым игнорирование положенных в основу жалобы правовых позиций, выраженных в мотивировочной части постановления Конституционного Суда, и возможности пересмотра оспариваемого судебного акта на основании нового обстоятельства.

Конституционный Суд РА почти во всех годовых отчетах об исполнении своих постановлений обращался к упомянутой проблеме, отмечая, что надлежащее исполнение постановлений Конституционного Суда является гарантией обеспечения правовой безопасности, и отмечая важность того, что необходимо на законодательном уровне обеспечить, чтобы **государственные органы и должностные лица гарантировали исполнение постановлений Конституционного Суда в их целостности, учитывая изложенные не только в резолютивной, но и в мотивировочной частях постановления правовые позиции, являющиеся источником конституционного права, а по своему характеру - официальным толкованием конституционных положений**. Подобный конституционно-правовой подход проявляется в постановлениях Национального Собрания РА, принимаемых по вопросам ратификации международных договоров, в которых подчеркиваются правовые позиции, выраженные в постановлениях Конституционного Суда РА.

Существенно также и то обстоятельство, что выраженные в решениях Европейского суда по правам человека правовые позиции, являющиеся прецедентным правом данного Суда, также в основном закреплены в мотивировочной части решения и обязательно должны учитываться в правовой практике.

7. Подчеркивая важность предмета рассмотрения также в контексте конституционных изменений 2015 года, Конституционный Суд РА считает необходимым констатировать, что в международной практике развития как конституционализма, так и конституционного правосудия решения конституционного суда больше не воспринимаются исключительно как документы, констатирующие конституционность или неконституционность правовых актов, а все больше акцент делается на прецедентный характер последних, формирование единой конституционной доктрины и то обстоятельство, что они являются важнейшим источником развития Конституции и законодательства.

Правовые позиции – это совокупность правовых заключений Конституционного Суда общего характера, которые выступают в качестве результатов толкования Конституции в постановлениях, принятых судом в рамках своих полномочий и раскрытия конституционно-правового содержания положений законов и иных нормативных актов, тем самым устраняя неопределенность их правового восприятия и обусловленную последним возможную неконституционность правоприменительной практики.

Конституционный Суд одновременно констатирует, что содержание термина “правовая позиция” не уточнено законодательством Республики Армения. Однако считает необходимым отметить, что в рамках практики конституционного правосудия был проведен анализ особенностей обсуждаемого правового понятия. В частности, Конституционный Суд РА своим Постановлением от 18 октября 2006 года ПКС-652 констатировал, что “Конституцией и Законом РА ”О Конституционном Суде” Конституционный Суд при оценке конституционности нормативных актов наделен полномочием представлять окончательную правовую позицию относительно положений Конституции. Содержание этих правовых позиций является официальным толкованием конституционной нормы”. А в Постановлении ПКС-674 Конституционный Суд особо обозначил необходимость исполнения правовых позиций, выраженных в мотивировочной части вышеупомянутого Постановления ПКС-652 (пункт 5).

Таким образом, Постановлением ПКС-652 Конституционный Суд ограничил правовое содержание своих позиций рамками официального толкования конституционной нормы, констатируя, что Конституционный Суд в своем Постановлении **путем раскрытия**

правового содержания нормы Конституции или раскрытия конституционного содержания нормы закона формулирует свою правовую позицию, которая носит обязательный характер как для правоприменителей, так и для всех правотворческих органов. Следовательно, правовой анализ и соответствующие выводы в целях толкования Конституции, раскрытия конституционно-правового содержания оспариваемой правовой нормы (нормативного акта) объективно обосновываются и излагаются не только в резолютивной, но и особенно в мотивировочной части постановления Конституционного Суда, логически в единой и системной форме обеспечивая их определенность и единообразное восприятие.

Постановление Конституционного Суда РА от 25 февраля 2011 года ПКС-943 имеет стержневое значение с точки зрения правового анализа содержания, характера и особенностей понятия “правовые позиции”, а также с точки зрения их юридической силы, роли в правовой системе и полноценного решения вопросов нормотворческого значения. Упомянутое Постановление также в качестве одной из особенностей обсуждаемого понятия рассматривает то, что они являются официальными толкованиями норм Конституции РА, однако в то же время в связи с содержанием правовых позиций констатирует, что “правовые позиции, выраженные в постановлениях Суда, как правило, содержат такие лежащие в основе разрешения данного дела правовые стандарты, которые касаются:

- раскрытия конституционно-правового содержания норм Конституции РА, закрепленных в международных договорах обязательств, законов, а также иных актов законодательства (пункты 1 и 2 статьи 100 Конституции РА), вытекающих из их конституционной аксиологии восприятия и применения, гарантирования непосредственного действия конституционных прав человека и в результате всего этого оценки конституционности оспариваемой нормы (правового акта);

- оценки правоприменительной практики (в том числе практики правосудия) и необходимости применения в этой практике норм Конституции, законов и иных правовых актов РА в соответствии с их конституционно-правовым содержанием;

- решения проблем, имеющих конституционно-правовое значение, и оценки фактов”.

Очевидно, что в указанном Постановлении Конституционный Суд РА наиболее полно представил содержание понятия “правовая позиция”, включая в рамки последнего, помимо официального толкования конституционных положений, также упомянутые правовые стандарты.

Поэтому Конституционный Суд считает, что законодательно сводя суть понятия “правовая позиция Конституционного Суда” только к выводам, сформулированным в

резюлютивной части постановления Конституционного Суда, утрачивает смысл функция гарантирования верховенства Конституции вообще и то обстоятельство, что постановления Конституционного Суда являются источником права в частности. В противном случае Конституционный Суд должен будет переместить все свои правовые позиции в рамках данного постановления в его резолютивную часть, что в правовом аспекте неприемлемо.

8. Международная конституционно-правовая практика также свидетельствует, что правовые позиции Конституционного Суда выражаются как в мотивировочной, так и в резолютивной частях решения.

Более того, современная практика конституционного правосудия свидетельствует, что в резолютивной части решений Конституционного Суда зачастую констатируется не только факт соответствия или несоответствия правового акта Конституции, но и находят закрепление другие заключения Суда. Очевидно, что они сами по себе являются отношением упомянутого органа к конкретным конституционно-правовым проблемам. Рассматриваемое обстоятельство наиболее подчеркнуто в тех постановлениях Конституционного Суда РА, в рамках которых орган, осуществляющий конституционное правосудие, признавая оспариваемый акт противоречащим Конституции, отсрочивает момент утраты юридической силы этого акта. В этом случае Суд выражает свое отношение к возможному решению конкретной конституционно-правовой проблемы, причем это обстоятельство находит выражение лишь в резолютивной части постановления.

Для гарантирования надлежащего исполнения постановлений Конституционного Суда необходимо четко обеспечить на законодательном уровне, чтобы **органы публичной власти и должностные лица гарантировали исполнение постановлений Конституционного Суда в полном объеме, принимая во внимание не только резолютивную часть постановления, но и изложенные в его мотивировочной части правовые позиции, являющиеся источником конституционного права, а по своему характеру - официальным толкованием конституционных норм.**

Конституционный Суд в Постановлении от 25 февраля 2011 года ПКС-943 констатировал также, что, признавая оспариваемый акт соответствующим Конституции, Конституционный Суд зачастую толкуя оспариваемые правовые нормы, раскрывает их конституционно-правовое содержание, излагая в резолютивной части постановления соответствие этих норм Конституции либо соответствие Конституции **в рамках определенных правовых позиций или в рамках раскрытого в его постановлении конституционно-правового содержания**, указывая тем самым:

- те правовые границы, в рамках которых должна восприниматься и применяться данная норма;
- те правовые границы, вне рамок которых применяемая или толкуемая данная норма приведет к неконституционным последствиям;
- те конституционно-правовые стандарты, на основании которых компетентный орган публичной власти обязан обеспечить дополнительные правовые регулирования полноценного применения данной нормы.

Следовательно, постановление Конституционного Суда невозможно полноценно исполнить без учета вышеупомянутых правовых позиций, что в свою очередь предполагает, что обязательному исполнению подлежат правовые положения, выраженные не только в резолютивной, но и в мотивировочной частях постановления Конституционного Суда.

Во исполнение Постановления Конституционного Суда РА от 26 октября 2011 года ПКС-943 законодатель внес дополнение в часть 8 статьи 68 Закона РА “О Конституционном Суде”, предусмотрев, что Конституционный Суд может принимать не только постановления о признании оспариваемого акта или его оспариваемого положения соответствующим Конституции и о признании оспариваемого акта полностью или частично противоречащим Конституции и недействительным, но и постановление о признании оспариваемого акта или его оспариваемого положения **соответствующим Конституции в конституционно-правовом содержании, раскрытом в постановлении Конституционного Суда.** Более того, частью 12 статьи 69 Закона РА “О Конституционном Суде” установлено, что по указанным в настоящей статье делам в случае признания противоречащим Конституции и недействительным положения закона, примененного в отношении заявителя, а также в том случае, **когда Конституционный Суд, раскрыв в резолютивной части постановления конституционно-правовое содержание положения закона, признал его соответствующим Конституции и одновременно нашел, что это положение применено к нему в ином толковании,** вынесенный в отношении заявителя окончательный судебный акт подлежит пересмотру в установленном законом порядке на основании вновь открывшегося обстоятельства.

В результате конституционных изменений 2015 года вышеупомянутые правовые регулирования получили четкое конституционное закрепление. Согласно пункту 8 части 1 статьи 169 Конституции РА в Конституционный Суд может обращаться каждое лицо - по конкретному делу, когда имеется окончательный акт суда, исчерпаны все средства судебной защиты и оспаривается конституционность примененного в его отношении этим актом положения нормативного правового акта, что привело к нарушению его основных

прав и свобод, закрепленных в Главе 2 Конституции, с учетом также толкования, данного соответствующему положению в правоприменительной практике. Очевидно, что оценка конституционно-правового содержания “толкования, данного ... в правоприменительной практике” возложена на Конституционный Суд, относительно чего он выражает конкретные правовые позиции.

Следовательно, Конституционный Суд считает, что одним из основных вопросов законодательного регулирования должно быть создание гарантий в системной целостности для формирования полноценной системы исполнения правовых позиций, выраженных в постановлениях Конституционного Суда, что обязательно с точки зрения выполнения требований Конституции.

9. Конституционный Суд констатирует также, что факт признания оспариваемой нормы соответствующей Конституции в рамках правовых позиций, выраженных в постановлении Конституционного Суда, в виде равноценных правовых решений существует также в практике конституционных судов ряда государств, в том числе в деятельности Конституционных Судов Германии, Литвы, России, Словении, Испании, Венгрии, Боснии и Герцеговины. Для всех этих судов общим является то, что представленное в решении толкование становится обязательным для всех органов публичной власти. В этом аспекте заслуживает внимания позиция Европейской комиссии “За демократию через право” (Венецианской комиссии) касательно проблемы, согласно которой необходимо “четкое законодательное, а в лучшем случае конституционное регулирование, которое обяжет иные государственные органы, включая суды, следовать данному Конституционным Судом конституционному толкованию, внесет четкость в отношении конституционных и общих судов и может стать основанием для индивидов требовать судебной защиты своих прав” /CDL-AD(2010)039rev, Study on Individual Access to Constitutional Justice, Adopted by the Venice Commission at its 85th Plenary Session (Venice, 17-18 December 2010)/.

10. Конституционный Суд считает необходимым констатировать также, что правовые последствия, обусловленные правовой позицией, раскрывающей конституционно-правовое содержание правовой нормы, уголовно-процессуальные институты обоснования кассационной жалобы, не связанной с новым обстоятельством, и принятия кассационной жалобы к производству непосредственно касаются вопросов гарантирования конституционных положений, закрепленных статьями 1, 3, 61 и 63,

установления закрепленных в статье 75 организационных механизмов и процедур, необходимых для эффективного осуществления этих прав, а также вопросов эффективной реализации принципа правовой определенности, закрепленного в статье 79 Конституции РА (с изменениями от 2015 года).

Заслуживает внимания также то обстоятельство, что в являющихся предметом спора статьях относительно правовых позиций Кассационного Суда и Европейского суда по правам человека не предусматривается никакое ограничение касательно только резолютивной части принимаемых ими актов. Они как источник права, имеющий праворегулятивное значение, рассматриваются в комплексе с актом.

В этой связи Конституционный Суд констатирует, что согласно оспариваемым по настоящему делу пункту 2 части 2.2 статьи 407, пункту 2 части 2 статьи 414.2 Кодекса оставление соответствующих правовых последствий за правовыми позициями, раскрывающими конституционно-правовое содержание правовой нормы, закрепленной **только в резолютивной части** постановления Конституционного Суда, не исходит из требований статей 1, 3, 4, 61, 63, 75, 79 и 80 Конституции РА (с изменениями от 2015 года) и статьи 93 Конституции РА (с изменениями от 2005 года).

Аналогичную точку зрения по предмету рассмотрения выразил также полномочный представитель Правительства РА в своей позиции, представленной в Конституционный Суд РА в письме от 13.03.2017 г. № 05/3793-17.

С точки зрения подобной правовой позиции проблема станет более значимой и актуальной после вступления в силу главы 7 Конституции РА с изменениями от 2015 года, когда для Кассационного Суда РА первостепенной задачей станет безоговорочное исполнение требования пункта 2 части 2 статьи 171 Конституции – устранение фундаментальных нарушений прав и свобод человека.

Что касается кассационной жалобы в связи с **новым обстоятельством**, то Конституционный Суд считает обоснованными аргументы стороны-заявителя относительно того, что установленное в оспариваемом по настоящему делу пункте 1 части 1 статьи 426.4 Кодекса правовое регулирование является препятствием эффективного исполнения Прокуратурой РА конституционных функций.

В этой связи Конституционный Суд считает, что Генеральный прокурор РА или его заместители во исполнение конституционно-правовых полномочий Прокуратуры РА могут подать протест о пересмотре судебного акта **на основании нового обстоятельства**, независимо от наличия в резолютивной части постановления Конституционного Суда замечания относительно применения правовой нормы в ином толковании в рамках конституционно-правового содержания, раскрытого Конституционным Судом

относительно предмета спора, тем более когда в мотивировочной части постановления констатируется, что применение правовой нормы в подобном толковании ведет к попранию прав человека или не гарантирует их непосредственное действие.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, пунктом 7 части 1 статьи 101, статьей 102 Конституции Республики Армения (с изменениями от 2005 г.), статьями 63, 64 и 71 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Словосочетания “**в резолютивной части**” пункта 2 части 2.2 статьи 407 и пункта 2 части 2 статьи 414.2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения признать противоречащими требованиям статей 1, 3, 4, 61, 63, 75, 79 и 80 Конституции РА (с изменениями от 2015 г.) и статьи 93 Конституции РА (с изменениями от 2005 г.) и недействительными, так как в рамках содержания, данного им в правоприменительной практике, наличие подобной формулировки при подаче кассационной жалобы, не связанной с новым обстоятельством, не позволяет имеющему право на подачу кассационной жалобы лицу в обоснование своей позиции ссылаться на выраженные в других частях (помимо резолютивной части) постановления Конституционного Суда правовые позиции, раскрывающие конституционно-правовое содержание правовой нормы, что должно учитываться при рассмотрении жалобы.

2. Словосочетание “в резолютивной части” в положении “или признал его соответствующим Конституции, однако, раскрывая в резолютивной части постановления его конституционно-правовое содержание, нашел, что это положение было применено в ином толковании” пункта 1 части 1 статьи 426.4 Уголовно-процессуального кодекса РА признать противоречащим статьям 93 и 103 Конституции РА (с изменениями от 2005 г.) и недействительным постольку, поскольку при его наличии в рамках кассационного протеста, поданного в установленном законом порядке Генеральным прокурором РА или его заместителями на основании нового обстоятельства, закрепленные в мотивировочной части постановления Конституционного Суда правовые позиции, раскрывающие конституционно-правовое содержание правовой нормы, в судебной практике не принимаются за основание в рамках принятия и рассмотрения протеста.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения (с изменениями от 2005 г.) настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

28 марта 2017 г.

ПКС-1359

Перевод сделан издательско-переводческим отделом
Конституционного суда Республики Армения